

Глава 17. Свидетельство о браке

Ду Юньсэ сделал полшага вперёд, заслоня собой Цю Хуаняня, и холодно спросил:

— Позвольте узнать, кто вы такой?

Этот жест привёл молодого человека в учёной шапке в ярость. Он язвительно процедил:

— Надо же, наш «вундеркинд» так заважничал, что и старых знакомых не помнит. Скажи-ка, каково тебе, вернувшись в деревню поджав хвост, привыкать к крестьянскому быту?

Он говорил нарочито громко, и многие посетители лапшичной начали оборачиваться в их сторону.

Цю Хуанянь присмотрелся к этому лицу, на котором застыла до боли знакомая и неприятная гримаса, и наконец вспомнил собеседника. Он осторожно потянул Юньсэ за рукав и прошептал:

— Это Ду Юньцзин, второй сын дяди Баоцюаня и госпожи Чжао. Он уже сдал экзамен на туншэна и теперь учится в уездной школе.

Поскольку у Хуаняня была давняя вражда с госпожой Чжао, он в своё время досконально изучил состав их семьи. Но Юньцзин редко бывал в деревне, а прежний владелец этого тела не любил выходить из дома и лишний раз заговаривать с людьми, поэтому в памяти образ запечатлелся смутно, и юноша не сразу признал его в лицо.

Заметив, как эти двое тесно прижались друг к другу и о чём-то секретничают, совершенно его игнорируя, Ду Юньцзин вспыхнул. Скрепя зубами, он прошипел:

— Ду Юньсэ, не думай, что ты чем-то лучше других. Тебе просто везло. И чем же ты можешь померяться со мной теперь?

Юньсэ посмотрел на него всё с тем же невозмутимым видом:

— Разве мы с вами настолько близки, чтобы вести подобные разговоры?

Хуанянь не сдержался и прыснул, поспешно спрятавшись за спину мужа, чтобы скрыть улыбку.

— Хорошо же, хорошо! — Юньцзин в гневе рассмеялся, и вдруг его тон изменился. — Ду Юньсэ, твой муженёк так молод и хорош собой... Столько лет он один куковал в деревне. Неужто ты и впрямь веришь, что он честно тебя дожидался и хранил верность?

В этих словах крылся грязный намёк на то, что между Цю Хуанянем и кем-то другим могла быть порочная связь. Лицо Ду Юньсэ мгновенно заледенело.

Противник уже торжествовал, но не успел он развить свою атаку, как Юньсэ заговорил:

— Я — твой старший брат по клану. Ты на глазах у честного народа смеешь порочить имя невестки и распускать гнусные слухи. Неужто наставники в уездной школе учат вас именно этому?

Хуанянь тоже подал голос, звонко и отчётливо:

— В меру своей испорченности каждый и судит. Твои речи — лишь плод больного воображения. Чем ты после этого отличаешься от уличного бездельника? Если слухи о твоём поведении дойдут до школы, хватит ли у тебя совести и дальше там порог обивать?

Посетители лапшичной с интересом наблюдали за сценой. Видя, что Ду Юньсэ держится с достоинством старшего в роду, а Цю Хуанянь говорит дельно и по существу, люди быстро встали на их сторону.

— К старшему брату придирается, да ещё и невестку в лицо грязью поливает... Был бы это мой сын, я б ему пару оплеух сразу выписал.

— Молодые люди и знать его не хотят, а он всё лезет.

— И это учёный человек? Бесстыдник, да и только!

Ду Юньцзин то бледнел, то багровел, и наконец немного остыл. Он и не знал, что Юньсэ вернулся в деревню; внезапно встретив его в городе, да ещё и в компании весело болтающего Хуаняня, учёный поддался порыву и бросился заирать их. Но теперь, придя в себя, он вспомнил: до дворцового экзамена осталось чуть больше двух месяцев. На таком важном этапе ему никак нельзя ввязываться в скандалы.

Если эти слова дойдут до уездной школы, дело примет скверный оборот. Наставник из школы подумывал выдать за него свою дочь, и Юньцзин никак не мог допустить, чтобы тот узнал о его позоре...

Сменив гнев на надменную мину, он бросил:

— Мы ещё посмотрим, кто кого!

С этими словами Ду Юньцзин поспешно покинул заведение.

После такой стычки аппетит у Хуаняня пропал. Он увёл Юньсэ прочь и, пройдя немного в молчании, заговорил:

— Что до этого Ду Юньцзина...

— Я знаю, — Ду Юньсэ опустил на него взгляд. — Ты бы на такого и не посмотрел.

Хуанянь улыбнулся, и в нём вдруг проснулось озорство:

— И на кого же, по-твоему, я должен смотреть?

Юньсэ промолчал, но его взгляд красноречивее любых слов ответил на этот вопрос.

«На меня»

Смутившись, Хуанянь отвёл глаза и указал на другую харчевню неподалёку:

— Давай заглянем туда, там тоже людно.

Цены в уездном городе оказались выше, чем в их городке. За два простых блюда и две миски риса Цю Хуанянь и Ду Юньсэ отдали тридцать вэнь.

После обеда они отправились в лавку тканей. Здесь, в уезде, на прилавках красовались даже шёлк и парча — блестящие, тонкие и прочные отрезы переливались всеми цветами радуги под лучами солнца.

Цена тоже была впечатляющей: самый обычный узорчатый шёлк стоил полтора ляна за рулон, а парча — в среднем по три ляна.

Хуанянь мельком окинул их взором, восхитившись мастерством древних ткачей, и повернулся к хлопковым тканям. Юньсэ проследил за его взглядом, направленным на дорогие материалы. В столице он видел куда более изысканные наряды; красавицы в тех краях благоухали духами, а их украшения тихо звенели при каждом шаге. Но Ду Юньсэ никогда не присматривался к ним и не заботился о том, во что они одеты.

Однако теперь, едва он представил эти роскошные шелка на Хуаняне, его сердце странно затрепетало. Его Хуа-гээр ведь куда краше всех тех девиц. Если его нарядить, он затмит любую красавицу... Жаль только, что сейчас Юньсэ не мог купить ему и фута такой ткани.

— Юньсэ, посмотри на это, — голос юноши прервал его раздумья.

Хуанянь уже прикладывал к себе рулон нежно-голубого, цвета лунного света, хлопка.

— Как тебе этот цвет? Для твоего длинного халата.

Поначалу он планировал купить ткани на четыре простых рабочих костюма для всех, но, узнав об экзаменах Юньсэ, передумал. Короткие куртки до бёдер — одежда для крестьян и слуг, в ней удобно работать, но она совсем не выглядит представительной. Хоть Юньсэ и сам бы не

побрезговал поехать на экзамены в простом платье, Хуанянь хотел, чтобы тот выглядел достойно. Вид разодетого, словно павлин, Ду Юньцзина только укрепил его в этой мысли.

Даже если Ду Юньсэ наденет мешковину, он будет выглядеть благороднее того наглеца, но на экзамене он не должен уступать ему в наряде!

Юньсэ не сразу нашёлся с ответом, и Хуанянь продолжил:

— Тебе ехать в префектуру. Даже ради доброго знака нужно справить новую одежду. Тёмные цвета тебе не к лицу. Хочешь этот нежно-голубой или присмотрим другой?

Приказчик в лавке, человек тёртый и внимательный, сразу смекнул, что молодому господину скоро предстоит сдавать на сюцая. В уезде Чжан такие юные таланты встречались нечасто, поэтому он поспешил расплыться в улыбке и принялся за похвалы.

— Молодому господину с такой статью нужно выбирать ткани под стать. Вот этот оттенок «ледяного престола» — бледно-голубой, чистый и изысканный, в самый раз для весны и лета. А вот нежно-лиловый — он идеально подчеркнёт вашу благородную ауру, да и название у него доброе, к удаче.

Юньсэ ещё не сдал экзамен, но приказчик ради красного словца уже величал его «молодым господином сюцаем».

Хуанянь присматривался к тканям, и ему казалось, что в любом цвете Юньсэ будет хорош. Видя, что клиент настроен серьёзно, приказчик указал на более дорогие полки:

— Если это не по вкусу, может, гээр присмотрит полрулона нашего нового узорчатого шёлка цвета старого золота с рисунком карпов? Наряд из него выйдет поистине императорский.

Ткань в руках приказчика мягко мерцала, а вытканые карпы казались живыми. Хуанянь на миг замер, в его глазах мелькнул азарт, но Ду Юньсэ вовремя взял его за руку:

— Хуа-гээр, зачем мне такая роскошь? Если и покупать подобное, то только тебе.

Юноша немного остыл и с сожалением отвёл взгляд. За такой шёлк просили два ляна, а за полрулона — один лян, что никак не вписывалось в их бюджет.

В итоге Хуанянь выбрал два рулона хлопка: один нежно-лиловый, другой — цвета бледной луны. Оба оттенка были светлыми и прекрасно сочетались. Из одного можно было сшить верх, из другого — низ, чтобы не одевать всю семью в одинаковое.

Хуанянь мастерски сторговался, благодаря своей хватке и обаянию сбив цену до той же, что была в их городке. Два рулона обошлись в восемьсот вэнь, а в придачу он выпросил пакет ниток подходящих цветов.

Вернувшись к торговцу хлопком, они забрали готовые чехлы, набитые нежнейшей ватой. Всё имущество бережно уложили в телегу на слой соломы и надёжно закрепили верёвками. Теперь их путь лежал к последней цели — в уездную управу.

Ду Юньсэ был там всего два дня назад, и стражники, узнав его, не стали чинить препятствий. Вскоре пришло известие: уездный судья Ван желает видеть его лично.

Лошадь и мула со всем добром отвели на задний двор, а Хуанянь последовал за Юньсэ в кабинет.

Судья Ван Чуцы правил в уезде Чжан больше пятнадцати лет. Не имея связей в верхах, он так и не получил повышения, а со временем и вовсе оставил мечты о карьере, целиком посвятив себя литературе и каллиграфии. Великий наставник Вэнь Хойян был его кумиром, поэтому Ду Юньсэ — ученик, которого великий муж лично приехал забрать, — вызывал у него особый интерес.

В своё время, когда учитель Вэнь запретил Юньсэ сдавать экзамены в течение десяти лет, судья Ван был в полном недоумении. Зачем мешать юному дарованию, когда самое время поразить мир своим талантом?

Тогда он устроил пир для наставника, и тот со смехом преподавал ему урок, который заставил главу уезда устыдиться своей недалёковидности:

— Талант в словесности не равен мудрости в делах, — сказал тогда Вэнь Хойян. — Написать статью — не то же самое, что управлять народом. Он ещё мал, и этот дар в нём — словно редкий нефрит. Если он слишком рано станет чиновником, жизнь погубит его. Пусть лучше странствует со мной, увидит мир, и тогда его острый ум превратится в истинную государственную мудрость.

И вот Юньсэ вернулся. Прошло почти десять лет, и судье Вану не терпелось узнать, насколько глубоки стали познания этого «вундеркинда».

Поприветствовав чиновника, Ду Юньсэ объяснил цель визита. Ван Чуцы, сочтя это мелким делом, велел секретарю забрать бумаги и выписать свидетельство о браке, а сам принялся экзаменовывать юношу.

Судья был истинным цзиньши обеих ступеней, его знания были глубоки. Он задавал каверзные вопросы, прощупывая почву, но Ду Юньсэ отвечал уверенно и рассудительно.

Хуанянь послушал их немного и понял, что ничего не понимает. В древних текстах он не смыслил ровным счётом ничего — его знания ограничивались школьной программой, да и те почти выветрились из головы.

Спустя час Ван Чуцы с удовлетворением вздохнул:

— Поразительно. Твои суждения стали куда глубже, а кругозор — шире. Теперь я вижу, что каждое слово учителя Вэня было истиной.

Он помолчал и спросил:

— Планируешь ли ты в следующем году подавать на провинциальный экзамен — Цювэй?

О дворцовом экзамене на сюэя он даже не спрашивал, считая, что через два месяца Ду Юньсэ сдаст его без труда. Ведь если бы не запрет наставника, тот стал бы сюэем ещё десять лет назад.

— Студент намерен пробовать силы в следующем году, — ответил Юньсэ. Он когда-то числился в уездной школе, поэтому мог так называть себя перед судьёй.

— Прекрасно! Буду ждать того дня, когда твоё имя окажется в золотом списке!

Зная о нелёгком положении семьи Ду, судья достал с полки книгу:

— Это «Сборник ключевых моментов для дворцового экзамена», составленный в нашей школе в прошлом году. С твоими знаниями тебе не нужно тратить время на уроки в школе перед экзаменом, этой книги будет достаточно.

Затем он обратился к стражнику:

— Принеси из кладовой три стопки бумаги сюаньчжи и три набора кистей с тушью. Запиши на мой счёт.

Лист такой бумаги стоил три вэнь, а в стопке было сто листов. Весь подарок тянул почти на целый лян серебра. Ду Юньсэ попытался вежливо отказаться, но Ван Чуцы настоял:

— Ты учёный, как же тебе без бумаги и кистей? Мой долг как судьи — поддерживать таланты на вверенной мне земле. От другого можешь отказываться, но это прими. Если хочешь отблагодарить — стань цзюйжэнем в следующем году, чтобы я мог с гордостью вписать это в свои отчёты. Это и будет лучшей наградой.

Зная, что путь до деревни семьи Ду неблизкий, судья отпустил их, как только принесли свидетельство о браке. Уходя, Хуанянь вспомнил о деле с похитителями детей. Юньсэ, заметив его взгляд, сам обратился к Ван Чуцы.

— Я уже разослал указы в соседние уезды, чтобы они помогли в поимке, — пояснил тот. — Думаю, через полмесяца всё решится. А пока велел держать это в тайне, так что и вы лишнего не болтайте.

Вспомнив, что в тюрьме сидят двое родственников мужа Ду Юньсэ, судья решил оказать ему ещё одну услугу:

— У тебя есть какие-то пожелания насчёт тех двоих твоих родичей?

Хуанянь и не думал за них просить:

— Господин судья действует по закону во благо народа, какие тут могут быть пожелания? Пусть всё идёт своим чередом, по всей строгости закона.

Услышав это, Ван Чуцы лишь усмехнулся в бороду, ещё больше зауважав молодого человека. С талантом Ду Юньсэ было бы прискорбно иметь рядом с собой ограниченного и слепо покорного деревенского простака.

<http://bllate.org/book/15363/1372831>